

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Сублимация смерти и сублимация жизни

Л. И. Фусу

Фусу Лариса Ивановна – психиатр-нарколог, канд. мед. наук, психоаналитик, член SPP (Парижского психоаналитического общества), IPA (Международного психоаналитического общества), психоаналитический психосоматик, член IPSO, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Парадокс сублимации как одной из судеб влечения отмечен в работах Фрейда. Он выделяет «изначальную эротическую сублимацию» на службе искусства. П. Марти выделял сублимацию жизни и сублимацию смерти. В приведенной статье Марилия Айзенштайн приводит случай пациентки, которая хотела отказаться от брака с любимым человеком из-за психоанализа, и обращает внимание на то, что психоанализ тоже может стать сублимацией смерти.

Ключевые слова: апоптоз, бессознательные фантазии, дезобъектализация, дезорганизация Я, личная история, ментализация, негатив сублимации, перверсия сублимации, сексуализированное поведение, сублимация жизни, сублимация смерти, частичные влечения.

Всякая сублимация проходит через Я, которое сначала трансформирует сексуальное объектное либидо в нарциссическое, а затем ставит перед ним новую цель.
Фрейд, 1923

Цивилизованность или культура для Фрейда состоит из совокупности достижений, посредством которых наша жизнь отдаляется от наших животных предков. Культура регулирует две вещи: защищает человека от

натуры, то есть от природы, и регулирует отношения людей между собой. Это естественное стремление цивилизованности привело к тому, что люди по мере окультуривания собирались вместе, образуя вначале первобытную орду. Коллективное урегулирование смогло стабилизироваться лишь после убийства первоотца, как пишет Фрейд в известной работе «Тотем и табу» (Фрейд, с. 850–856). Несомненно, культура появилась одновременно со способностью сублимировать, то есть подавлять, вытеснять собственную агрессию и проявлять ее другим образом. Что же создается сублимацией в таком случае? Создаются социокультурные творения, но они начинают оказывать давление и на людей, и на их потомков. Давление, которое не позволит удовлетворять естественные влечения где угодно и как угодно. Так, нормальный человек предстает одновременно и как бенефициар, и как жертва культурных процессов, которые смогли начаться только благодаря индивидуальной сублимации влечений. А так, как пишет Фрейд в работе «Недовольство культурой» (Фрейд, с. 358–361), цивилизованная сексуальная мораль не привела к свободе влечений, а скорее к невротизации. Этнолог Эрин Мейер, описывая ранние культурные достижения, приводит монгольские обычаи, состоящие в том, что был запрет мочиться в пепел. В основе этого запрета находится отказ гасить огонь, играя со струей собственной мочи. Миф о Прометее, в соответствии с которым огонь транспортируется в тубусе, можно интерпретировать, опираясь на эту же идею, которая находится в его основе.

В статье 2014 года «Деструкция процессов мышления и негатив сублимации» М. Айзенштайн (*Aisenstein*, 2014, р. 6–8) пишет, что мы живем в эпоху фастфуда, быстрой коммуникации и даже запросов на фаст анализ. Одновременно мы живем в такое время, когда современные научные исследователи обращают внимание на важность душевных переживаний. К примеру, Антонио Дамасио в книге «Я. Мозг и возникновение сознания» (2018, с. 108–112) подчеркивает важность аффектов, пишет об эмоциональном мозге; Ален Прошианц в работе «Конструкция мозга» (*Prochiantz*, 1989, р. 10–11) подчеркивает важность роли личной истории, бессознательных фантазий отдельного индивидуума для человеческой генетической программы в целом. Апоптоз, смерть одних клеток во имя спасения других, о котором пишет Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия», нашел подтверждение в работах иммунолога Жан-Клода Амейсена. Этот парадокс, такое сосуществование, сталкивает нас с важнейшей человеческой проблемой внутренней деструктивности.

Парадокс сублимации как одной из судеб влечений появляется достаточно рано в работах Фрейда. Сублимация описывается им как проистекающая из сексуальных влечений, которые поворачиваются на иные, не сексуальные цели, на социально важные объекты, в виде интеллектуальной или творческой активности.

Следует отметить, что существует «изначальная сублимация», которую Фрейд описывает в работе о Леонардо да Винчи, и вторичная эротическая сублимация на службе искусства. В 2005 году Жан-Люк Балдаччи описал первичную сублимацию, которая ближе к психосоматическому подходу.

В работе о Леонардо да Винчи Фрейд показывает, как сублимация как судьба влечений появляется из-за десексуализации. Сексуальное желание трансформируется в творчество и стремление к знаниям, что является другим способом захвата объекта и контроля над ним. Сам термин, одолженный у химиков, указывает на процесс, который превращает твердое тело сразу в газовое, эфемерное, и намекает на величие, возвышенность, эфемерность и чистоту.

Если вначале речь идет лишь о смене вектора влечения, изменившего цель, неизбежная десексуализация, которая возникает при сублимации, наводит на мысли об объекте, с которого была перенаправлена цель, о роли самого объекта и о роли влечения к смерти в сублимации. Как указывает Фрейд, вследствие десексуализации объектное либидо трансформируется в нарциссическое. Сверх-Я воспринимает отказ от влечений как то, что важнее их удовлетворения. Это приводит к тому, что на передний план выходит Идеал Я. Кроме того, всякая активная десексуализация приводит к ослаблению энергетического сцепления влечений, в результате чего влечения развязываются и высвобождается деструкция. Во время сублимации влечения развязываются и, как заметил Грин, высвободившая деструкция не просто разрушает, а атакует в первую очередь самое гуманное и в человеке, и в обществе. И тогда классическая сублимация, которая могла бы находиться на службе цивилизации, становится «первертной», устанавливает режим дезобъектализации (лишение объекта его объектных качеств), за которым следует и десубъектализация (лишение себя субъектных качеств). И творчество, и мышление, становясь «сублимациями смерти», как показала Вторая мировая война, могут находиться на службе деструктивности. Даже психоанализ, как пишет Марилия Айзенштайн, может попасть в ловушку тоталитарных идеологий.

В приведенной статье Марилия Айзенштайн пишет о психоанализе как о сублимации и приводит случай пациентки, которая после шести лет анализа, проделав работу горя после разрыва с любимым человеком, наконец встретила мужчину. С ним завязались серьезные отношения, он сделал ей предложение, но она ему отказала. Да, она призналась, что тоже любит его, но она не может бросить анализ, а он живет в другом городе и предлагает ей переехать к нему. Банальный, по мнению самой М. Айзенштайн, ответ «я считаю, что психоанализ находится на службе жизни, а не жизнь на службе психоанализа» был воспринят пациенткой как полный отказ аналитика от идентификации с запрещающей, мешающей свободе и автономии пациентки матерью. Откуда это известно? Из слов пациентки. После этой интервенции появился соответствующий материал, и вскоре пациентка сделала выбор в пользу любви, а, следовательно, и жизни.

Негативная версия аналитической сублимации была уловлена ею через контртрансфер, как пишет М. Айзенштайн, – когда пациентка заявила о своем твердом решении отказать любимому человеку в пользу анализа, она сделала это без малейшего аффекта, что свидетельствовало о транзитном развязывании влечений.

Памятуя о том, что анализ тоже является сублимацией, нам необходимо работать так, чтобы психоанализ был на службе жизни.

По мнению Марти и Фэн (2013, р. 12–13), сублимации находятся под знаком инстинктов жизни, поскольку их источником является сексуальное влечение, либо сбитое с цели, либо заторможенное по цели, но Марти отделяет ментальные сублимации от интеллектуальных и артистических, которые представляют собой более или менее сексуализированное *поведение*, при котором, даже если и проявляются некие фантазмы (свидетельствующие о ментализации), они не являются проявлением деятельности предсознания. О функциональном качестве сублимаций по отношению к ментализации, полагает Марти, можно судить только вместе со всей психосоматической экономикой субъекта, с учетом того, что сублимация связана с частичными влечениями, которым так и не удалось интегрироваться в генитальность. Именно поэтому даже самым инвестированным и удачным сублимациям не удается защитить человека от соматической и психической дезорганизации. Так, Врубель очень сильно инвестировал сублимационную деятельность, но это не уберегло его от психоза, он много творил, но сильно страдал и умер в 54 года, как пишут биографы, «нарочно простудившись». Художник Александр Иванов, автор известной картины «Явление Христа народу», выиграв стажировку в Италии, вскоре влюбился в дочь музыканта Гюльпена, преподававшего в той же академии, в которой работал его отец и в которой учился он сам, и намеревался отказаться от стажировки и жениться. В свое время отец Александра, академик Андрей Иванов, тоже стоял перед подобным выбором: любовь и свадьба или поездка в Италию. Андрей Иванов выбрал любовь и, видимо, всю оставшуюся жизнь сожалел, что сделал неправильный выбор. Когда он осознал, что его сын готов совершить ту же самую ошибку, он сделал все, чтобы отговорить Александра от скоропалительной женитьбы и убедить его воспользоваться шансом и уехать за границу. Похоже, однако, что для Александра было бы лучше, если бы он остался в России.

В Италии он много трудился, вел уединенный образ жизни. Влюбившись вновь по истечении многих лет, он посчитал, что, лишь закончив работу над картиной, сможет сделать предложение даме своего сердца, однако та, не дождавшись, вышла замуж за другого. Мы можем заметить параллель с пациенткой М. Айзенштайн, которая хотела принести собственное счастье в жертву во имя психоанализа. Иванов же продолжал творить, не отвлекаясь на времяпровождение с любимой женщиной, не только потому, что считал искусство важнее, а потому что полагал, что своим творчеством он должен удостоиться права на женитьбу и на счастье. Ему необходимо было «заработать» свое счастье, откуда напрашивается вывод, что на тот момент он считал себя не заслужившим счастья. После замужества любимой женщины состояние Иванова ухудшилось, он стал еще более замкнутым и угрюмым, еще больше отдавался сублимации и перфекционизму, тщательно прописывая каждую деталь картины. Он страдал бредом отравления, который обострился, поэтому сам себе готовил, отказываясь от угощений и совместных трапез, часто недоедал, из-за чего появлялись сильные боли в желудке, которые лишь подкрепляли его бредовые идеи. Будучи одержимым идеалом совершенства, 20 лет работал,

прорабатывал и дорабатывал эту свою самую знаменитую картину. Терпел сильную нужду, но после того, как император России, выкупив у него эту картину, назначил ему пожизненную ренту, художник прожил недолго, умерев в тот же год по неизвестной причине от непонятной болезни. Скорее всего, без ренты он прожил бы дольше, но тяжелее. Почему человеку становится хуже после успеха? Потому что бессознательная вина автоматически усиливается. Она требует наказания. Нужда прекратилась, появилась слава – болезнь становится неизбежной. Именно на пике славы К. Брюллов неудачно упал с велосипеда и повредил рабочую, правую руку. Друзья вкладывали ему кисть в руки, таким образом он смог работать, но поскольку вина никуда не делась, вскоре он вновь «наказал» себя, заболев ревматизмом. И, будто и этого было мало, вскоре он перенес инсульт.

Работая в аналитическом ключе, мы ожидаем, что у пациентов появится способность к сублимации – что это один из результатов анализа.

Однако нам следует задуматься о том, какая часть сублимации находится на страже цивилизации, живой психики, работы мышления и креативности, связанной эросом, и какая стоит на службе деструктивности, культуры смерти, дегуманизации. Зависит ли качество сублимации от градуса десекуализации, связанной со Сверх-Я и Идеалом Я?

Работа тоже является сублимацией, смещением либидо на деятельность, которая меняет окружающую среду, создает теории, открытия, арт-объекты. Нередко она превращается в компульсивную аддикцию, люди убивают себя на работе, становясь оператуарными-машиноподобными. Стремление к работе у них утрачивает живую часть, которая проявляется в желании менять мир вокруг, и превращается в токсическую аддикцию (по мнению Ф. Дюпарка), в разрядку влечения, идущего из смертоносного, навязчивого повторения, или, как это заметил А. Грин, в работу по дезобъектализации. Именно эти люди соматизируют чаще других.

Такие сублимации были названы П. Марти чудовищными сублимациями, свидетельствующими о дезорганизации Я, каковую мы встречаем при «неврозах поведения» (психопатиях, социопатиях). Существует немало людей, чаще всего с психосоматическим функционированием (ПСФ), у которых творческие периоды чередуются с периодами полной стерильности, а в частной жизни это проявляется в виде токсических декомпенсаций или соматизаций.

Дезобъектализация, согласно А. Грину, является следствием раннего травматизма, который, как в случае «мертвой» матери, ведет к дезинвестированию объекта и к идентификации в каннибалистическом стиле, что приводит к раннему интеллектуальному развитию, что является *настоящей перверсией сублимации*. Другим механизмом является эксцессивное смещение. Если в движении от объекта влечения к субституту увлекаются любопытством или скопическим влечением, это может привести к гиперактивности, к «неврозу поведения», который может находиться у истоков сублимации смерти. Речь идет о занятиях экстремальным спортом с риском для жизни, о «белой» мании (форма гиперактивности без

нарциссического подъема и эйфорического настроения), о бесконечной работе, ранней бессоннице, анорексии.

Как полагает Ф. Дюпарк (2023), у истоков сублимаций жизни находится родительская пара, если она позволяет миметически простроить достаточно хороший эдипов первофантазм и особенно фантазм первосцены. Как пишет Шассге-Смиржель (2005, р. 39–42), способность человека любить, создавать и думать зависят от интеграции обоих родителей в психическую жизнь. Разница между сублимацией жизни и смерти связана, по мнению Ф. Дюпарк, в основном с существованием мутилирующего расщепления, повторного травматического резонанса, приводящего к развязыванию влечений и к стремлению получить разрядку в поведении и к дезобъектализации с отсутствием достаточно защищающего партнера. Это легко отслеживается в личной истории творческих личностей, которые при неудачах в частной или социальной жизни претерпевают психотические срывы или соматизации.

С помощью сублимации создается объект, который для создателя не существует, и даже если бы он существовал для него, он все время обновляется новыми арт-объектами, адресованными социуму. Вместо либидинальной сексуальности нарциссическая сублимирующая активность утверждает наполненность и самодостаточность, избавляя себя от требований инаковости другого. И тогда мы вправе задаться вопросом о связи сублимации с перверсией, как пишет Панос Алупис (2014, р. 67–69). Субъект прибегает к фетишистскому решению, которое удерживает его от обрушения/разваливания на части и депрессии. Понятие эстетического объекта введено Д. Мельтцером (2018, с. 205–206). Он описал встречу с инаковостью через другое материнское в окружении «где основное создается эмоциями, которые пробуждаются в субъекте красотой мира». В такие моменты удовольствие одевает объект освещением красоты и находится у истоков идеализации. Условия, при которых конструируется «эстетический объект», названы Д. Мельтцером, он пишет, что такой объект создается «обычным красивым младенцем» вместе с «обычной красивой матерью».

Постижение красоты «в самой своей природе заключает в себе понимание возможности ее разрушения», пишет Д. Мельтцер (2018, с. 189). Однако боязнь хрупкости драгоценного предмета не может быть ограничена только страхом ущерба, причиненного собственничеством. По мнению Мельтцера, суть эстетического опыта заключается «не в быстротечности, а в загадочном качестве объекта», что открывает новый ракурс понимания душевной боли, отсылающей не только к потере объекта, а к возможности выдерживать его присутствие. Эстетическая перспектива в психическом развитии открывает себя как возможность переживать красоту.

Как тут не вспомнить слова А. Арто: *«Нужно иметь ад внутри, чтобы творить»*.

И как не вспомнить «Портрет из ада» Эдварда Мунка.

И как не задуматься о том, какой интенсивности душевная боль принуждала Франсуа Вийона не только напиваться и драться, но и, сублимируя, использовать такое обращение:

«О Господи! Открой нам двери рая,
Мы жили на земле, в аду сгорая!» (2012, 211)

Слова швейцарского скульптора и живописца, одного из важнейших мастеров XX века Альберто Джакометти все же обнадеживают: «Во время пожара, если бы мне пришлось выбирать между Рембрандтом и кошкой, я бы выбрал кошку».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вийон Ф.* Баллада повешенного. Спб.: Кристалл, 2012. 240 с.
2. *Грин А.* Нарциссизм жизни и нарциссизм смерти / Пер. с фр. А. И. Коротецкой. М.: Когито-Центр, 2023. 319 с.
3. *Дамасио А. Я.* Мозг и возникновение сознания. М.: Карьера Пресс, 2018. 384 с.
4. *Дюпарк Ф.* Лекция в Институте психологии и психоанализа на Чистых прудах. [Стенограмма] М., 2023.
5. *Мельтцер Д.* Психическая боль и душевное удовольствие. Понимание красоты. М.: Когито-Центр, 2018. 303 с.
6. *Фрейд З.* Хрестоматия в 3 томах. Воспоминания детства Леонардо да Винчи. М.: Когито-Центр, 2016. 396 с.
7. *Фрейд З.* Хрестоматия в 3 томах. Недовольство культурой. М.: Когито-Центр, 2016. 1396 с.
8. *Фрейд З.* Хрестоматия в 3 томах. Тотем и табу. М.: Когито-Центр, 2016. 1396 с.
9. *Aisenstein M.* (2014) Destruction des processus de la pensée et négatif de la sublimation. P. 9. Revue Française de Psychosomatique. PUF. No 46. P. 5–9.
10. *Aloupis P.* (2014) Sublimation: du corps mortel à la pensée immortelle. P. 65. Revue Française de Psychosomatique. PUF. No 46. P. 65–77.
11. *Chasseguet-Smirgel J.* (2005/6) La puissance. Le Carnet PSY. № 101. P. 37–38.
12. *Duparc Fr.* (2014) Sublimation de vie, Sublimation de mort. P.91. Revue Française de Psychosomatique. No 46. PUF. P. 91–103.
13. *Marty P., Fain M.* (2013) À propos du narcissisme et de sa genèse. Revue Française de Psychosomatique. No 43. PUF. P. 11–22.
14. *Prochiantz A.* (1989) La Construction du cerveau. Paris: Hachette.

Sublimation of death and sublimation of life

L. I. Fusu

Fusu Larisa I., psychiatrist-narcologist, PhD in medical sciences, psychoanalyst, member of SPP (Paris Psychoanalytic Society), member of IPA (International Psychoanalytic Association), psychoanalytic psychosomatic, member of IPSO, rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chisty Prudy

The paradox of sublimation as one of the fates of drives is noted in Freud's works. He distinguishes "primordial erotic sublimation" in the service of art.

P. Marty distinguished between the sublimation of life and the sublimation of death. In the cited article Marilia Eisenstein mentions the case of a patient who wanted to give up her marriage to a loved one because of psychoanalysis, and draws attention to the fact that psychoanalysis can also become a sublimation of death.

Keywords: apoptosis, unconscious fantasies, desobjectification, disorganization of the Self, personal history, mentalization, negative sublimation, sublimation perversion, sexualized behavior, sublimation of life, sublimation of death, partial drives.